

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТРИ ДНЯ НАЗАД

Над ним склонилась то ли Луна с белесыми глазами, то ли моргающая лампочка. «А лицо-то без абажура», — механически отметил он. Где-то не так уж и далеко на- тужно выла собака. Или волк. Потолок в грязных поте- ках перестал покачиваться, «корабль» занял устойчивое положение. А из раскрытой двери дуло столь сильно, что даже ложечка в стакане на столе позвякивала.

— У вас нос в крови, — невесело произнесла мо- лодая женщина и показала ему платок с темными пятнами. — Это, наверное, потому, что вы мордой об пол шмякнулись. Простите, лицом. Чего это с вами? И часто так?

— Не знаю, — ответил он и попытался встать.

— Лежите, лежите. Пол чистый. Еще не успели насвинячить. А я вам подушку под голову подложу.

— Не надо.

— А чего надо? Может, грелку? Впрочем, ее тут днем с огнем не сыщешь. Тем более ночью... Стран- но, на эпилепсию не похоже. Я знаю. У меня брат эпилептик. Так вся морда была бы в пене. Опять же, извините, лицо. Привыкла я тут к мордам. Сердце?

— Валидол дайте, — сказал он, скосив глаза в сто- рону кровати, на которой, как ему показалось, лежал кто-то еще. — Там, в сумке.

Женщина отошла, порылась в его барахле, бор- моча что-то себе под нос. Вернулась с валидолом, сунула таблетку ему в рот. И продолжала с любопыт- ством разглядывать его.

— Ну, лучше?

— Сейчас. Пройдет.

— Врача не нужно?

— Обойдусь.

— А врача-то и нет. Как грелки. Это я так спроси- ла. Из вежливости.

Мужчина с неудовольствием наморщил лоб. В сознании всплыло другое женское лицо, он все вспомнил. Лежать дальше на полу, пусть даже еще на «не насвиняченном», показалось ему глупо. Оценив расстояние до ближайшего стула, он решил встать. Конечно, удобнее было бы теперь улечься на кро- вать, но и в этом виделась какая-то недостойная для мужчины поза. Другое дело, если это была бы его жена. Но перед супругой он бы и не ударился «мор- дой», как любит выражаться «эта», в пол. Кстати, кто она? Не важно. Оседлав шаткий стул, мужчина спросил:

— Ладно, как тебя зовут?

— Катя. А вас-то?

Он не ответил, продолжая размышлять. Даже прошептал вслух:

— А чего ты ждал?..

Но чего-то ждала и эта особа, стоя перед ним. Собаковолк за окном вновь принялся выть. Нудно и жалобно.

— Это Альма, — сказала, наконец, Катерина. — У нее на днях щенков утопили. А куда их, по-вашему, деть-то? Тут детей скоро топить станут.

Вновь не дождавшись никакого ответа, она задала другой вопрос, более существенный:

— Мне уйти?

— Оставайся, — не сразу отозвался мужчина и повторил несколько иным тоном: — Да останься. Я тебе так или иначе заплачу.

— Вот это хорошо, — обрадовалась она. — А то меня муж обратно домой не пустит.

— Ты замужем?

— А как же. Мы тут все замужем.

— А зачем же этим занимаешься?

— Вот потому что замужем.

Ответ прозвучал как-то непонятно, бестолково. Будто все тут сожительствовавали друг с другом, и это было в порядке вещей. Тревожные мысли не покидали его, а в груди продолжало покалывать. Но уже медленно отпускало. Если бы только не вой этой несчастной Альмы на улице... И таинственно-серебристый свет Луны, сочившийся как из перерезанного стебля алоэ.

«Город призраков, — подумалось ему. — Зря я сюда приехал».

— Кто — все? — хмуро спросил мужчина.

Женщина пожала плечами, будто вопрос был настолько глуп, что и не заслуживал внимания. Ей было около тридцати лет. Лицо кругловатое, глаза и губы чуть припухшие. «Плачет, что ли, часто? Еще бы! С таким-то мужем и братом-эпилептиком!». Одетая скромно, без провинциального шика, а в темных волосах есть уже седые нити. Лунного света. И что теперь с ней делать? Выгнать, как Альму?

— Водку будешь? — уж совсем грубо буркнул он.

— Буду, — коротко и кротко ответила она.

Мужчина налил себе чуть-чуть, а ей, в пластиковый стакан, побольше. «Голодная, наверное?» — подумал он, глядя на нехитрую снедь на столе.

— Угощайся.

Они выпили, молча и не чокаясь, как на похоронах. Вот только где усопший? Уже на кладбище или еще в соседней комнате? И вообще, покойник или покойница?

Катерина закусывать не стала. «Значит, сытая», — снова подумалось ему. «Все они тут, в провинции, притворяются, будто жрать нечего! А поглядишь — каждый с избытком веса. Или пухнут, что ли, от голода?»

— А вы надолго к нам? — спросила женщина.

Ее вопрос остался без всякого резонанса. Мужчина снова налил, а после второй стопки стало как-то повеселее. Поспокойнее на душе. Даже слегка забылось найденное на столе послание, которое и привело его в ужас. Короче, на пол.

— Меня зовут Патермуфий, — важно соврал он. — Нет, Истукарий.

— Не может такого быть. Нет сейчас таких имен.

— Ладно, нет. А Велемир устроит?

— Ну, это еще куда ни шло.

— А ты не так проста, как кажешься. Расскажи о себе. Кто ты? Откуда? Где живешь? С кем, кроме этих эпилептиков? Дети есть?

Катя будто ждала подобных вопросов, поэтому тотчас же стала отвечать, как зубрилка на уроке:

— Живу здесь, тут же и родилась, рано осиротела, ребеночек у меня был, да помер, сама инвалид, работаю прачкой, а в огороде ничего не растет...

«Все врет! — почему-то радостно подумалось ему. — Это у них у всех тут песни такие: «Играй, гармонь» называется».

— Хватит, который час? — перебил он. — Что-то у меня стрелки остановились.

— А у меня и часов-то нету, сроду их не носила, — ответила она. — Мы время по солнцу да по звездам сверяем. Дело сейчас идет к полночи. Точнее, без десяти двенадцать.

— У тебя внутри биологические часы, что ли?

– У меня внутри много чего, – усмехнулась она.
– Еще и телефон с телевизором, Интернет только все никак не подведу. Дорого.

«Что ж, с чувством юмора у нее все в порядке», – отметил про себя мужчина. После третьей Катерина стала закусывать. А в коридоре гостиницы вдруг началась какая-то беготня, толкотня и повизгивание. Причем явно детского свойства.

– Черт! – произнес мужчина. – А это еще что такое? Уж полночь близится, Германа все нет, а дети притащили тятю мертвеца в сетях?

– Не обращайтесь внимания, тут всегда так, – осведомленно отозвалась женщина. – Это не тятя, а тетя одна из Самары, у нее штук пять ребятишек. Они по ночам беснуются, а днем дрыхнут. Бойкий народец. Сейчас и другие проснутся.

– Какие другие?

– Ну-у... Эти, из Иваново. Старик со старухой. Впрочем, они вообще никогда не спят. Все бродят и бродят, ищут чего-то, сами не знают чего. Будто кошелек потеряли или сами потерялись... И те двое. Транзитные, из Чебоксар. Никак, сволочи, не уедут, всех уже достали своей пьянкой. Вторую неделю глушат. Во! Слышите?

До Велемира и в самом деле стал доноситься какой-то отдаленный песенный вой, на два голоса: один с горьким надрывом, другой – с бесшабашной удалью. Под стон-песню шла фонограмма щенячьей радости из коридора. А тут еще и Альма за окном подключилась к этому конкурсу «Минута славы».

– Да что тут у вас происходит? – спросил мужчина. – Раньше такого не припомню.

– А вы здесь и прежде бывали? – поинтересовалась Катя.

– Давно. С женой.

– А-а. Тогда понятно.

– Что «понятно»?

– Понятно, почему я вас не знаю. Я ведь с семей-

ными парами не работаю, только по индивидуальным заявкам.

– Нет, это действительно черт знает что! – выдохнул постоялец, откинувшись на спинку стула, отчего тот едва не рухнул. – Дурдом какой-то. «Индивидуальные заявки»! Куда я вообще попал-то?

– В Юрьевец, – усмехнулась женщина. – Сами приехали. Добровольно. А зачем?

– По жене соскучился, – отозвался Велемир, впервые, наверное, отчетливо осознав, какой метафизический зов привел его в этот городок на Волге. – По ее лицу, голосу. Языку, – добавил он, немного помолчав, и пошел к раковине, наливать воды в чайник.

Но жидкости в кране, конечно, никакой не было. Из него даже ржавой капли не выпало. В конце концов мужчина просто от злости открутил вентиль и, не зная, куда его бросить, сунул себе в карман.

– Забыла предупредить. Можно и не манипулировать, – посочувствовала женщина. – Сегодня же пятница, тринадцатое, всегда так.

– А в другие дни?

– И в другие тоже.

– Тогда кой хрен – пятница или средовторник? Тринадцатое или сорок седьмое?

Катерина не ответила, виновато пожав плечами, словно это она накануне выпила всю воду.

– «Манипуляция» в переводе с латыни – это «пригоршня», – заметил Велемир, вынимая из сумки термос. – Мы все время ладонь в надежде тянем, а им, манипуляторам, только того и надо. Посмеиваются лишь. Пошли.

– Куда?

– К роднику вашему! Жажда. Ну и чаек поставим. А там подумаем, как дальше быть. И что делать.

Мужчина пропустил ее в коридор, запер дверь. Ключ был величиной с перезрелый огурец, да еще с железной култышкой на цепочке; все это весило не меньше килограмма. Должно быть, от древних ворот

Юрьевца. Уже сделав несколько шагов по коридору, Велемир, на всякий случай, вернулся и толкнул дверь. Она открылась.

— Замок снаружи не запирается, — пояснила Катя. — Впрочем, изнутри тоже. Это все так, антураж. Да вы не бойтесь, у нас воровства нет.

— Идиотизм какой-то!.. — пробормотал мужчина.
— Ключ-то тогда зачем?

— А как же иначе? Для порядка.

— Какой же «порядок», если это форменный кавардак?

— Целая пригоршня манипуляций и декораций, — охотно и даже как-то весело согласилась женщина.

— А если дети забегут и разобьют что-нибудь?

— Они только по коридору носятся.

Будто в подтверждение ее слов откуда-то с лестничного проема высыпала армада ребятишек от пяти до десяти лет. Мальчики ли, девочки — сразу и не поймешь. Растрепанные, полуодетые, кто в одном тапке, а кто сразу в трех, потому что лишняя зажата в кулачке и ее используют как мухобойку — по затылкам. Досталось мимоходом и Велемиру, а нечто с косичкой врезалось ему головой в живот. Катерина благоразумно прижалась к стенке. Весь этот смерч промчался в конец коридора, развернулся и с тем же шумом понесся обратно, падая, перекатываясь и тут же поднимаясь вновь на прыгучие ноги.

— Днем, говоришь, более спокойны? — полюбопытствовал мужчина, подбирая с пола выпавшего из торнадо железного солдатика. Положил его в карман, к вентилю и ключу. — А куда мамаша смотрит?

— Она мужа ждет. Он должен вот-вот приехать. Извелась вся.

— А нельзя ждать как-то потише?

— Может, можно. Просто она давно ждет. Дети совсем от рук отбились. Без отца-то.

— А где он?

— А кто ж знает.

— А почему она, черт возьми, здесь ждет, в гостиной, а не где-нибудь в другом месте, у себя дома, к примеру?

Велемир понимал, что разговор этот становится все более бессмысленным, поэтому даже не удивился ответу Катерины:

— А здесь велено.

Все его расспросы утыкались в какую-то стеклянную стенку. Или тонули в покрытом болотной ряской озере, как камешки. Оставались лишь круги на воде, да и те быстро исчезали. А тут еще, когда они шли по коридору, из «детского» номера открылась дверь, оттуда высунулась богатырского вида женщина в ночной рубашке, устала на Велемира и разочарованно произнесла:

— Нет, кажется, не он.

— Не он, — подтвердила Катерина.

— Значит, не пришел еще? Не видела?

— Нет. Я скажу когда.

Дверь с протяжным скрипом, словно издав горестный стон, затворилась. Они стали спускаться по лестнице.

— Откуда ты здесь все про всех знаешь? — задал вопрос Велемир, держась за перила и осторожно нащупывая ступени: лампочка светила так тускло, что лучше бы и не горела вовсе.

— А я живу тут, на заднем дворе, во флигеле.

— И давно? В смысле, где-нибудь еще бывала?

— Не помню.

— Как не помнишь?

— Да просто не хочу ничего такого помнить! — вырвалось у нее.

«Это уже кое-что, — подумал он. — Выходит, есть и у нее какой-то «скелет в шкафу». Прошрое. А то тут все как в томатной банке с бычками законсервировано».

В холле за стеклом, положив голову с кудряшками на ладони, спала администраторша. Они вышли

на улицу. У входа в инвалидной коляске сидел мужичок в кепке. Огонек его сигареты устался на них, как красный глаз.

— Муж мой, — пояснила Катя, когда они прошли несколько десятков метров. — Переживает.

— За тебя?

— Зачем за меня? За Альму. Потому что это он щенков утопил. Завыл бы от тоски сам. Да немой.

— Не твой? — совсем уж глупо спросил Велемир, поскольку стал вновь путаться в мыслях. А все из-за бумажного послания, оставленного в номере на столе. Но тут действительно все выглядело странно и нелепо. Какая-то самарская тетька ждет мужа в Юрьевце, а дети ее по ночам как очумелые носятся по гостинице, инвалид переживает о собаке, как о родной жене, хотя сам же и утопил ее щенков, а жена эта идет рядом с ним неизвестно куда. Нет, известно куда — к роднику.

— Языка нет, — ответила на его вопрос Катерина.

— На Кавказе отрезали. И еще кое-что. По мелочи.

Велемир решил не уточнять, что именно. И вообще больше вопросов не задавать. Все равно без толку. Лишь сейчас он обратил внимание, что за ними увязалась и какая-то дворовая собака. Должно быть, та самая Альма. Она близко не подходила, но шла как привязанная, метрах в трех сзади. И смотрела так, словно хотела выговориться — все равно кому, хоть этим двум, похожим вроде бы на людей. Но она ведь тоже без языка. Как и они.

— Лена, прости, а я ведь подзабыл, где этот родник находится, — сознался он.

— Я покажу, — ответила женщина. — Только меня не Лена, а Катя зовут. Катерина Рябцева.

«И чего это у меня вырвалось? Тринадцать лет никого так не называл. Видно, ночь какая-то совсем мистическая и безумная...» Ночь действительно была необычной, в Москве таких нет: совершенно безлюдно, во всех деревянных домиках погашены

огни, на улице тепло, как в предбаннике, тишина густая, звенящая, словно струится со звезд. Гравий под ногами вкусно похрустывает. И, конечно же, полнолуние.

Они шли по такой узкой улочке, что по ней можно было проехать, наверное, только на велосипеде, а если высокий человек расправит руки, то, кажется, непременно достанет ими до обоих заборов, с той и другой стороны. Домики кончились, впереди был глубокий, поросший кустарником и чахлыми деревцами овраг. Вниз вела деревянная, вросшая в землю лестница с корявыми перилами.

— Здесь поосторожней, — предупредила Катя. — Скользко.

— Знаю, падал уже, — откликнулся он.

И хотя опыт был, но вот и теперь он едва не загремел всеми костями на середине лестницы. Успел схватиться за Катерину, которая шла первой. Он буквально повис на ней, почувствовав исходящий от нее аромат свежее испеченного хлеба.

— А кладбище тут где? — зачем-то спросил Велемир, не отпуская ее плечи.

— За оврагом, — ответила она, тоже не торопясь к освобождению. — А вам и туда надо?

Он развернул ее к себе лицом и решительно поцеловал. Может быть, даже чересчур сильно и грубо. Но она нисколько не сопротивлялась, напротив, прижалась к нему всем телом. Глаза ее в темноте зеленовато светились.

— Пошли! — резко сказал Велемир и отпустил женщину.

— Куда? На кладбище или к роднику? Или обратно в гостиницу?

Он двинулся вниз, в глубину оврага. Катя задержалась. А Альма так и осталась наверху, не доверяя крутым ступеням. Легла на землю, устроив мордочку между лап. Решила подождать людей здесь, если они, конечно, вернуться.

Родник журчал где-то рядом. Слева от лестницы. Надо было пройти еще несколько метров. Тропинка, вымощенная камнями, вела к деревянному навесу, острый шпиль которого венчал крест. Была и скамеечка для отдыха, с двумя резными фигурками по бокам. Очевидно, какой-то местный умелец-плотник постарался. Выглядели они как живые — старик и старуха с посохами, со склоненными лицами, застывшие в вековой печали. А вода из родника струилась им почти под ноги — в обложенное булыжниками корытце-колодец.

Велемир отвинтил крышку термоса и нагнулся к источнику.

— Водица славная, — сказал вдруг кто-то позади него.

Голос звучал трескуче, как сухие ветки в костре. От неожиданности Велемир едва не упал в этот колодец. Но удержался.

— Да. Редкая водица, — повторил старик, ожившая резная фигура из дерева. Он не шевелился, только шамкал ртом. Руки опирались на посох. И смотрел даже не на Велемира, а куда-то сквозь него, в пустоту. Что видел там, непонятно, но что-то явно с интересом рассматривал. А глаза были подернуты белесой пленкой, поэтому и казались неживыми.

— Старуха ваша тоже не из болтливых? Или только под деревяшку косит? — спросил, немного отойдя от первоначального испуга, Велемир. Он был очень зол. Так обмишуриться!

— Это те самые наши постояльцы из Иваново, — пояснила, подходя, Катя. — Здравствуйте. Не нашли еще?

— Нет, ищем. Вечер добрый, — отвечивал старик. Старуха продолжала молчать, будто ничего и не слышала. Она настолько ушла в себя, что действительно обратилась в скорбную деревянную статую. Интересно, сколько они тут сидят? Такое впечатление, что целую вечность. А впрочем, перед водой и огнем можно и окаменеть.

— А что потеряли-то? — поинтересовался у старика Велемир.

— Язык, — ответила вдруг старуха, словно половица скрипнула. И снова ушла в какое-то инобытие.

— Праязык, — поправил старик и добавил: — Тот который был изначально.

Эта тема оказалась близка Велемиру, но сейчас было не до нее. Его возмущение нарастало: что ни час, что ни новая встреча, то какой-то иллюзион, мистический фильм ужасов «Сонная лошина». Тайны Юрьевца. Он стал жадно, до ломоты в зубах, пить воду, наслаждаясь этой единственной животворящей реальностью, журчащей весело и радостно, как сама жизнь. Потом набрал полный термос и закрутил крыжку. Подумав, вытащил из кармана детского железного солдатика и установил его на краю колодца. Пусть родник охраняет.

Что же ему все это напомнило? Только сейчас он сообразил: действительно какое-то кино то ли Бергмана, то ли Тарковского, даром что его музей где-то в городе. Да и сам он тут родился. Вот и происходят на его малой родине всякие метафизические чудеса. А может, это и не фильм даже, а лишь один замысел, черновик, уцелевший сценарий, плохо смонтированная старая черно-белая пленка, которая так и не попала на экран. Нереализованная идея, сюжет с движущимися или застывшими фигурками. Без звука, без языка. И он, Велемир, в их числе. Но каждый жест, немое слово или предмет декорации имеют свое значение. Тайный смысл, который еще предстоит разгадать.

Вот уж не думал, что поездка обернется таким душевным смятением. Вхождением почти в потусторонний мир, сакральной встречей с исчезнувшими и мертвыми, утерянными и возвращенными вновь. И почему это происходит именно здесь, в Юрьевце? Город как город, типичный, среднерусский,

поволжский. Основанный, кажется, еще до татаро-монгольского ига.

Перед задумавшимся Велемиром вдруг возникло светящееся облачко, прямо над струившимся родничком, отдаленно напоминающее женский силуэт.

– Ты видишь? – толкнул он уже давно прикорнувшую у него на плече Катерину.

– Что? – очнулась она.

– Не важно.

– А я вижу, – проскрипел старик. – Это душа родника, его язык.

Велемир не стал спорить, его эта версия вполне устраивала. ...Начало всей человеческой истории пролетело перед глазами Велемира за тот час, что он сидел на скамейке у родника. Он словно бы просмотрел удивительный фильм, созданный настоящим мастером. Как будто пришел на последний сеанс в открытый кинотеатр, где неожиданно увидел полустертую ленту Тарковского или другого, не известного еще, но великого режиссера. Творца правды.

Тут внимание всех «жителей» скамейки привлекло еще одно «облачко», но на сей раз, кажется, вполне реальное. Деревянные ступени лестницы стали поскрипывать, за кустарниками показалось белое платье – кто-то еще спускался к роднику.

– У вас сюда прямо ночное паломничество, – проговорил Велемир.

– Знатная водица, – ответил за всех старик.

– Но это не к нам, – добавила Катерина. – Она к могилам идет. Тут, через овраг, будет покороче.

– Кто она?

– Так... Вдова.

Больше Велемир никаких разъяснений не получил. А белое платье действительно скрылось где-то в глубине оврага в зарослях. Очередная тайна Мадридского, то есть Юрьевецкого двора. Почему именно ночью нужно пробираться на кладбище, рискуя сломать себе в темноте шею? Покойный муж не

может обождать до утра, что ли? Об этом Велемир и спросил Катерину.

– Живет там, – просто ответила она, болтая ногами. Будто это было в порядке вещей – жить в могиле.

– Как? В гробу?

– Ну почему. В сторожке. Правда, без удобств. Электричество срезали, как бесперспективный объект. Зимой дровами топят. Она ведь типа зрителя на кладбище.

– Да уж, объект и в самом деле бесперспективный, какая, право слово, перспектива у мертвецов? – усмехнулся Велемир.

Прежде ему как-то не довелось побывать вместе с женой на этом кладбище. Может, сходить завтра? В провинциальных русских кладбищах есть какая-то притягательная сила. Словно захоронены здесь не люди, а древние сокровища, клады. Впрочем, в некотором виртуальном смысле, так оно и есть. Теперь ему показалось, что он ослышался старика, и тот сказал не «знатная водица», а «знатная вдовица».

– Молодая? – на всякий случай поинтересовался он.

– Лет сорок.

«Как было бы и Лене», – подумал он с непонятной тревогой.

– А давно здесь?

– Приехала годков двенадцать назад. Вместе с мужем.

– Уже покойником?

– Здесь умер, – как маленькому пояснила Катя. – Утонул в Волге, на второй день. Пошел купаться и... А тело так и не нашли. Это бывает, течение все же. А Лена так переживала, что решила тут и остаться. Сторожка-то уже пустая была. Прежний зритель так пил, что в открытую могилу и свалился. Да сразу и умер. Только закопать осталось.

– Лена? – испуганно переспросил Велемир.

– Имя такое редкое, – Катерина внимательно

посмотрела на него и перестала болтать ногами. — Но я точно не знаю всей этой истории. Говорят, что муж не утонул, а сбежал, бросил ее. Вот она умом и повредила.

Ему стало как-то трудно дышать, а сердце вновь защемило. Достав таблетку валидола, он сунул ее под язык. Нет, надо непременно сходить на это кладбище. Поглядеть на вдовицу. А вдруг?.. Какие-то совершенно безумные мысли полезли в голову. Он вытер носовым платком взмокший лоб. Просто форменная чертовщина.

— Пошли, что ли? — предложила Катя.

Наверное, она имела в виду гостиницу, но Велемир понял по-своему. Ему сейчас стало страшновато, он хотел оттянуть визит на погост, в сторожку, до утра, до солнечного света.

— Успеем к могилам. Надо еще водки выпить, — сказал он.

— Вот и двинули, — согласилась она.

Старики продолжали сидеть, не шевелясь, как деревянные истуканы. Ждут, когда праязык или слово им само в руки свалится. А ведь и он тоже ищет того же. Жена-то уже нашла. Теперь говорит языком мертвых, мертвым языком.

— Ну, прощевайте, — произнес Велемир, будучи уверен, что его не слышат.

— Скоро свидимся, — трескуче бросил ему в спину старик, когда они уже шли к лестнице.

...Через час от всех пережитых треволнений и размышлений он был уже настолько пьян, что начинал видеть себя как бы со стороны. Но никак не мог понять: где находится и кто эти люди за столом? И почему он рассказывает инвалиду в коляске о «благородном римлянине Меркурии»? Тот ведь глухой. Нет, немой, кажется. А-а, какая разница!..

— ...и вот, когда ему сонному подло отрезали голову, — заплетающимся языком продолжал Велемир, — произошло чудо. Воин Меркурий встал, взял

главу свою в руки и понес в город Юрьевец. Стоп! Не в Юрьевец, в Смоленск. Впрочем, без разницы. Во всех русских городках был свой Меркурий. А татары в ужасе побросали оружие и бежали, давая и убивая друг друга. На них нашло помешательство. Как на меня сейчас. А вы, дурни, хоть знаете, что ваш юрьевецкий святой, блаженный юродивый Симон, мог ходить по воде, как по суше? Над ним смеялись, издевались, били, а по его молитвам погас пожар, грозивший уничтожить весь Юрьевец?

— Мне тоже кое-что отрезали, — произнес инвалид в клубах табачного дыма.

— погоди. Ты же немой?

— А я притворяюсь. Просто говорить неохота. Надоело.

— Это правильно. Давай тогда помолчим.

Велемир потянулся к столу за самогоном, налил в два граненых стакана, и они выпили. Захрумкили свежими зелеными огурцами, юрьевецкими, знаменитыми. Можжевельный самогон доставил, кажется, брат Кати, эпилептик. Он сейчас возбужденно спорил о чем-то с двумя меднолицыми широкоскулыми мужиками, похожими на индейцев. Это, как он догадался, транзитные из Чебоксар. На койке спала какая-то женщина в кудряшках. Сама Катерина сидела рядом с Велемиром и прижималась к его плечу.

— Отстань! — он указал пальцем на мужиков. — Как звать?

— Вася и Митя.

— А дрыхнет это кто тут на моей койке?

— Администраторша. Люся. Ты все забыл?

— Местами, — сознался он. Но все же с усилием воскресил в памяти начальную картину: как, встретив по пути в гостиницу брата-эпилептика, ходили все вместе в какой-то «самогонный дом» на окраине, потом сошлись с чебоксарцами, подняли в номер «отрезанного мужа» вместе с его коляской, а Люсьен, наверное, сама приперлась, на правах хозяйки. А вот

за самогоном, кажется, брат бегал еще пару раз.

– Термос где? – спросил Велемир.

– Ты его детям отдал, – ответила Катя. – Они пить хотели.

– Какой я славный. А больше ничего не отдал? Деньги там, одежду, фотоаппарат?

– Нет.

– Жаль. Берите все! Мебель, зубную щетку, жену.

– У тебя же нет жены, – напомнил инвалид. – Ты говорил, она в Париж сбежала, с любовником.

– Разве? – удивился Велемир. – И как только смогла... Ее ведь здесь убили. В Юрьевце.

– Вот горе-то, – посочувствовала Катя. – А как, кто?

– Кто! Да кто-то из вас. А как – вам лучше знать.

Он задумался, потирая виски. Ему представилось, что так оно и было на самом деле. В Париже она была, но вместе с ним. Сразу после свадьбы. А вот из Юрьевца-то и не вернулась. Тут на кладбище и похоронена. Он даже сам горсть земли кидал и цветы клал. Синенькие такие, фиалки. И, кажется, даже упал на гроб, как принц Гамлет. Нет, просто поскользнулся, ведь дождь шел, глина мокрая. Вот как все было. Или должно было бы быть. Инвалид молчит, потому что разговаривать надоело, а ему ничего и вспоминать не хочется. Лучше все заново выдумать.

– Из нас никто никого не убивал, – сказала Катерина.

– Ну почему же? – не согласился инвалид. – Я это делал довольно часто.

– Ты – на войне, это другое, – она погладила его по обриту до синева черепу. – И вообще, чего-то ты сегодня разболтался.

– Не убивали! – хмыкнул Велемир и указал пальцем на ссорящихся мужиков. – А эти чем занимаются?

Они сейчас действительно уже не только руга-

лись, но начали хватать друг друга за грудки, все трое. Затем брат-эпилептик и транзитные сцепились-слиплись в какой-то слоеный гамбургер, издавая одни лишь междометия и мат. А вскоре эта мясная котлета стала с ускорением двигаться от стенки к стенке, пока не опрокинулась на пол. На короткое время она распалась на три огрызающихся части, а затем вновь сфаршировалась.

– Бифштекс выйдет с кровью, – предположил инвалид. – Останется только лучком посыпать.

А его на столе было много. И порей, и петрушка, и свежие помидоры, и вареный картофель, и сольце – все, чем богата славная земля Юрьевца.

– Разнимать не надо, – предупредила Катя. – А то перепадет ненароком. Они дикие.

Да Велемир бы и с места не тронулся, пусть убивают. Впрочем, настоящей драки так и не случилось. То ли тротил исыяк, то ли о самогоне вспомнили. Все трое разом поднялись с пола и с угрюмой решительностью уселись за стол. Проснулась и администраторша, запоздало прикрикнув:

– Эй, вы чего это тут? Я вот вам!

– Ты нам! – огрызнулся брат-эпилептик. – А мы вот от тебя и не возьмем!

– Поговори у меня, идол! Враз из флигеля выпишу.

– Щас! Как бы сама на улице не осталась. С голой жопой.

– Чего-чего?

Назревала новая ссора. Наверное, вирус такой сорный проник в номер, а то и в город, а может быть, и во всю Россию, в провинцию, по крайней мере, уж точно. Вроде собачье-кусачьего гриппа. Но он долго не жил. Не выдерживал накала людских страстей и сам от страха самоуничтожился. Вот и администраторша спокойненько встала, одернула юбку и тоже присела к столу. Даже как ни в чем не бывало засмеялась и чокнулась самогоном с братом-эпилептиком, благодушно толкнув его кулаком в бок.

Тут только Велемир заметил и Альму, выглядывающую из-за тумбочки. Он бросил ей кусок колбасы и подумал: конечно, никто из них Лену не убивал. Она вообще скончалась от сердечного приступа. Кажется. Хочется в это верить. Так проще.

Ну разве может быть убийцей этот вдруг заплакавший, зарывавший навзрыд без всякой видимой причины эпилептик? Или эти транзитные, принявшие его утешать и хлопать по спине да по плечам? Или бритый, отрезанный инвалид с обреченными глазами? Или его жена, которая, может, и не блудница вовсе, а святая? Монашка, вышедшая погулять. Да на них земля российская держится. Только вверх ногами.

Ему самому сейчас захотелось то ли пустить слезу, то ли расхохотаться. А за столом уже вновь оживленно заспорили, и тема была очень важная: о перекупщиках сельхозпродукции на подступах к рынку. Лишь инвалид молчал, курил одну за другой.

— Я ему говорю — по четыре, а он — по два, и ни в какую! — талдычил кто-то из транзитных, то ли Вася, то ли Митя. — А помидоры ждут, еще день и потекут. А ему, Магометке, что? Он сидит в своей машине и музыку слушает. Ждет, когда я сломаюсь. А на базаре станет по сорок толкать. Я ему — три, а он — два.

— Во-во! — подхватил второй, Митя или Вася: — И полицаи за них. И фашистские старосты в наших поселках. И гауляйтер области.

— Выше бери, — поддержал вдруг инвалид. — Сам наместник Кремля за них. Это его скрытая ударная сила, резервные полки из азиатов и кавказских овчарок. Чуть что — с поводка спустит, и всем хана. Начнут рвать и резать, только держись. Да скоро и без приказа бросятся.

— Их орда целая, — добавил брат-эпилептик.

— Каганат, — хором отозвались Вася с Митей.

— А вы, хлопцы, когда отсюда съезжать будете? — завела, должно быть, свою любимую пластинку ад-

министраторша. — Всех уже достали. Деньги, что ли, еще не кончились? Выпишу ведь. Мешаете только приличным людям отдыхать, — она указала на Велемира. — Вон, человек из Москвы прибыл, могилу жены подправить, а вы? Помидоры! Наливай уже.

По коридору прогрохотал, пронесся табун дегтишек. Теперь они, наверное, изображали многовагонный состав, поскольку издавали на разные голоса паровозные гудки. Велемир почувствовал даже легкое сотрясение под ногами. Вполне возможно, что здесь, под Юрьевцем, проходит какой-то геологический тектонический разлом. И он только увеличивается от всей этой беготни и трескотни. Или же от чего-то иного. Мысли и образы ведь точно также влияют на физическую сущность земли, как и поступки. В ином месте скапливается столько боли и страха, что когда начнешь бурить там нефтяную скважину, оттуда кровь хлынет. Нельзя шутить с природой. Особенно в пятом часу утра в Юрьевце.

— А это не к ней, к покойнице, недавно сестра приезжала? — спросила вдруг Катерина. Обращалась она к Велемиру, но ответила Люся:

— Точно, к ней! Вчера утром. Сказала: хочу могилку проведать. Сначала решила в гостинице остановиться, я уж и бланк дала, а она вдруг: нет, у меня есть где. Передумала. Красивая такая, сразу видно, что из столицы. Или уж, на худой конец, из Владимира.

— Вы сейчас о ком? — спросил Велемир, блуждая взглядом по их лицам. Ему вдруг показалось, что Катерина едва заметно подморгнула администраторше. А та объяснила:

— Так про эту... которая к вдове вашей. Тьфу, к жене. Это вы — вдова, опять же — тьфу, вдовец, а она... Ну, словом, вы меня поняли. Наливай! Так и заявила: у меня есть где. Я и подумала: найдет место, не пропадет. У вас тут родня не проживает?

— Нету у меня никакой родни! — разозлился Велемир. — И жены тоже нету!

— Ну нет, так будет, — усмехнулся инвалид, все время к чему-то прислушивавшийся, словно ждал кого-то еще. Этих было мало.

— А раз естygде остановиться, то, зная, только у любовника, — продолжала гнуть свое Люся. — Но я ее прежде чего-то не видела. Она в бланке только имя успела написать: Ирина. И зачеркнула. Говорит: есть у меня где...

— А кто же у нее тут может в любовниках ходить? — вступил в разговор брат-эпилептик. — Не Максим ли Иванович, электрик с насосной станции? Почитай, самый видный мужчина. И всегда с капустой. Власть! Кому хочет свет вырубит.

— Электричество тут ни при чем, — заявила Люся. — Главное, холост.

— А может, к этому, Ферапонтову, директору школы? — предположила Катя. — Так он женат.

— Это ничего, — утешил инвалид. — Ты же ведь тоже замужем.

— Да не было у нее никакой сестры, — слабо возразил Велемир, начиная уже и сам верить во все, что они тут болтали. Но его никто не услышал. Собравшиеся за столом продолжали гадать: к кому из местных могла приехать эта столичная штучка? Ну кроме местных покойников; покойницы то есть, по долгу, так сказать, службы.

А Велемира изнутри стала бить какая-то нехорошая дрожь. С того момента, когда администраторша назвала имя приезжей незнакомки. Он ведь солгал, была у Лены сестра, и звали ее именно так. Но только та Ирина уже давно проживала в Германии, в городке Вендель, на улице Бергбердштрассе, 21. Вышла замуж за сына обрусевшего немца из Саратова и укатила. Их там всех принимают, в Дойчланд. Хоть русского, хоть еврея, хоть татарина, главное, чтобы был немцем. И чего, спрашивается, ей теперь в Рос-

сию назад переться, да еще в какой-то там Юрьеvec? Которого даже на картах германского генштаба, наверняка, нет. Ерунда какая-то. Все тут сплошная говололомка.

Но ощущение холода внутри и мурашки по всей коже не проходили. А эти идиоты все спорят: к кому из любовников приехала Ирина? Они уже полгорода перебрали. Вот теперь и главный банщик Юрьеvца маячит на горизонте с шайкой и веником, и какой-то армянин Гурген с балыком подмышкой — хозяин продуктового магазина, и даже местный поп с кадиллом, хотя у него-то непременно есть своя попадьа. И другие, мелочевка всякая.

А Ирина была действительно красавица, это он отлично помнил. Только постарше Лены. Или помладше? Погодки, одним словом. Родились одна за другой. А кто за кем — это теперь уже и не важно. И вообще, причем тут сестры? А записка на столе? Или ее тоже не было?

Велемир сунул руку в карман и нащупал листок бумаги, но вынимать и разворачивать при всех, чтобы убедиться, не стал. Хотя, может быть, это просто завалилась какая-то квитанция. Счет за услуги. Но, если вдуматься, таинственное послание тоже было неким счетом, предъявленным к оплате. Чересчур запоздалым, правда. Из совсем другого времени. И места, коли уж на то пошло.

— Потерял что? — тихонько спросила Катя, от которой не укрылись его жест и озабоченное выражение лица.

«Слишком уж любопытна, — подумал он. — Это тоже подозрительно. И когда это она успела со мной «на ты» стать? Знает больше, чем говорит. Похоже, она тут вообще самая главная. Косит под серую мышку, а на самом деле атаманша всей этой шайки».

— Может, опять сердце?

«Заботливая, — продолжил он рассуждать, не отвечая. — Притворяется. Старается казаться лучше,

чем есть. Мужу изменяет, чуть ли не у него на глазах. Дурная наследственность, брат-то эпилептик. А может он и не брат ей вовсе? И муж не муж. Все тут, наверняка все, врут. Куда-то заманивают. Театр кошмара, фильм ужасов, цирк дю солей, музей абсурда, галерея Марата Гельмана».

— Хочешь прилечь? — участливо, в третий раз задала вопрос женщина.

— Куда, в гроб? Чего ты меня все время уложить пытаешься? — ответил он наконец. Причем довольно громко и сердито. После его слов за столом внезапно установилась тишина. Будто все мгновенно протрезвели и приобрели нормальный естественный вид. Сбросив карнавальные маски.

Впрочем, какой там «нормальный»! У одного с носа капало, а он даже не думал вытереть, у другого так вспухли на лбу и шее кроваво-синие жилы, что готовы были в любой момент разорваться. У третьего появилось какое-то бельмо, а может быть, это к глазу прилепился кусочек огурца, четвертый скалил редкозубую пасть, пятая вообще походила на крашеную горгулью, смесь певички Мадонны с Филей Киркоровым. Все они на несколько секунд застыли и замолчали, обратив лица-личины к Велемиру. И в то же время из-за тумбочки жутко завyla Альма. А Катерина вдруг рассмеялась.

— Ну что ты, глупенький! — ласково проворковала она. — Кто же этого хочет?

— Никто, — серьезным тоном подтвердила Люся и заботливо утерла нос эпилептику.

— Никто, — эхом повторили транзитные чебоксарцы: — Никто по четыре не возьмет. И по три тоже. Разве теперь по полтора.

— Никто насильно в гроб не ляжет, только добровольно, — загадочно произнес инвалид. А братец тоже хотел сказать это «никто», но вместо слов у него изо рта вдруг пошла пена.

«Сейчас все они лопнут, — догадался Велемир.

— И мираж исчезнет». А чтобы колдовские чары побыстрее развеялись, он занес кулак и двинул кого-то из сидящих за столом троллей и гоблинов в харю. Попал, очевидно, в нос, потому что кровь брызнула фонтанчиком. А Велемир еще и выдернул из-под себя стул и «угостил» им лампочку.

Номер погрузился в темноту, раздавались со всех сторон лишь вопли. Велемир как резиновый мячик упруго поскакал к двери, вывалился в коридор. Соображал он плохо. Ему вообще казалось, что все это происходит во сне. В каком-то очень страшном, но интересном, когда и просыпаться-то не хочется. А сзади неслись крики:

— Держи!.. Лови!.. Где он?.. Тут, поймал!..

Поймали, очевидно, кого-то другого, а Велемир помчался по тускло освещенному коридору. Он был черен, длинен, извилист и напоминал прямую кишку. Прямую-то прямую, но с заворотами, нишами, боковыми лестницами и черными ходами — вниз и вверх, в подвал и на чердак, а пропитан был действительно запахами нечистот из туалета. Воды-то не было, слива тоже. Еще и мертвечиной какой-то несло. Не то дохлой кошкой, не то тухлой рыбой. А может, и человечиной. Впрочем, сейчас было не до ароматов.

Велемир мчался вперед, а на скользком полу его кидало от стенки к стенке. Один раз он упал, но продолжал поступательное движение, как на льду. В другой раз влетел головой в неожиданное препятствие: ударился в грудь многодетной богатырши. Женщина в ночной сорочке завопила, пытаясь уловить его юркое тело:

— Что, кто?.. Пожар, муж?.. Видел его, видел?..

Велемир выскользнул, умудрившись еще и лягнуть великаншу, и включил «третью скорость». Он никогда не думал, что может бегать так быстро. Кажется, в коридоре даже поднялся ветер, а на облезлых обоях стали вспыхивать искры. Того и гляди

и в самом деле все тут загорится. Плохо то, что Велемир совершенно не имел представления — куда бежать? И, в принципе, зачем? От кого? От себя?

Однако бег и погоня продолжались. Велемир слышал крики не только своих недавних собутыльников, но еще и басистый рык гигантской матроны. Та, очевидно, тоже включилась в этот легкоатлетический кросс. Оглянувшись, он даже углядел у нее в руке вместо эстафетной палочки древко от метлы. А тут еще навстречу ему откуда-то из-за угла с дикими воплями выскочила толпа детей. Они попытались облепить его, как осы, но Велемир метнулся к боковой лестнице, застучал по ступеням. Шаткие перила с грохотом стали падать вниз.

Едва не сломав шею, он выскочил в гостиничный холл. В дверь с улицы как раз входили старик и старуха. В жидком предрассветном кефире они выглядели очнувшимися трупами. Эти зомби бережно поддерживали друг друга, чтобы не упасть, не рассыпаться прахом.

Велемир, несшийся прямо на них, едва успел приторможить.

— Нет, не нашли еще, — треснул старик, будто отвечая на заданный вопрос.

— А вы? — спросила старуха.

— И я тоже, но обязательно найду, — отозвался Велемир и проскочил между ними. Это вышло не совсем удачно, поскольку расстояние было слишком узким. Старик со старухой попадали в разные стороны, как кегли. Хорошо еще, что по бокам от двери стояли два кресла, в них-то они оба и угодили.

Велемиру было некогда извиняться — в холл со всех трех лестниц уже сыпались монстры: рогатые мужики, чешуйчатые женщины, карлики, притворившиеся детьми. Как нечисть из древнерусских сказок. Понимая теперь, что испытывал Хома Брут, отпевая панночку, Велемир на предельной скорости рванул в открытую дверь и выскочил на площадь, к

пустынным торговым рядам и прилавкам. Вместе с ним с залившимся лаем бежала Альма. Но она, кажется, единственная из всех воспринимала погоню с весельем и не собиралась никого кусать.

А сзади слышался не только топот лап, но даже скрип ржавой инвалидной коляски. Вот этого-то Велемир опасался больше всего, колеса все-таки. Почти «Бентли». Теперь ему вместо криков чудились кровожадные завывания. Он пролетел площадь на одном дыхании, промчался по какому-то переулку, где самым приметным был черный дом с вывеской «Баня», и выскочил на заброшенную пристань с искореженной техникой и огромными бетонными плитами, из которых торчали острые штыри арматуры. Ноги его стали увязать в земле. Не хватало еще, чтобы тут оказались зыбучие пески.

Впереди лениво катила свои спокойные темные воды великая река.

— Вот она, Волга! — почему-то радостно выдохнул он, словно именно с целью наконец-то увидеть ее и совершал свой рискованный предутренний променад. Увидеть Волгу и умереть. Альма рядышком не менее радостно потягивала.

Но воодушевление прошло быстро, и Велемир тотчас же подумал: «Эге! Тут-то меня и накроют. Самое удобное место». Ноги понесли его куда-то вдоль берега, покрытого тиной, водорослями и мертвыми рыбешками.

А по Волге шел теплоход с зелеными огоньками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕШКОМ К ЦВЕТНОМУ БУЛЬВАРУ И ДАЛЬШЕ

Теперь, покинув гостеприимный «Шеш-Беш», они шли, просто прогуливаясь, по вечернему Садовому кольцу, а Велемир Радомирович вновь ув-

леченно рассказывал. За ними, на расстоянии трех шагов, следовал молчаливый, но глазастый, как бы с пчелиным фасетным круговым зрением телохранитель в черном костюме. И уж наверняка с наплечной кобурой под пиджаком. Марине такой эскорт нравился. А вот куда делся частный детектив? Она с юной непосредственностью и спросила об этом.

— Изучает обстановку и вникает в детали, как и положено, — туманно ответил их спутник. Вадим уже давно понял, что он любит подпускать дыма и огня, и то загорался, как фальшфейер в руках болельщика, то так же внезапно выгорал и потухал, становился молчаливым и равнодушным ко всему. «Очевидно, последствия личной драмы, — решил юрист. — Но когда же он перейдет к делу?» Тут-то клиент как раз и перешел:

— Вообще-то я по образованию филолог, семантик, историограф, языковед, отчасти нейролингвист, немного археолог и прочее. У меня много дипломов, но все мои интересы лежат в плоскости древних языков, исчезнувших цивилизаций. А последние двадцать лет я только тем и занимался, что искал праязык человечества. Первый, единственный, ностратический монолог, который изначально был на Земле у всех. А жена — химик, всю жизнь что-то химичила с реактивами, катализаторами. Превращала воду в вино. Вот только свинец в золото не умела. И преподавала в университете, там же, где и я. Мы прожили вместе не так уж и мало — почти десять лет. И очень хорошо прожили. В любви и согласии.

— Как она умерла? Погибла то есть, — подал голос Вадим, подпустив на лицо скорбной маски.

— Погодите, сейчас не об этом, — отрезал мужчина. — Вы согласны с тем, что вначале всего было слово?

— Ну... да, — растерянно отозвался юрист, далекий от богословия и теологии. А Марина благо- разумно промолчала, решив не дразнить гусей,

в данном случае одного «гуся», вышагивающего рядом. Она вообще была атеисткой и со смехом относилась к «поповским сказкам».

— Поисками праязыка занимались лучшие умы человечества, на протяжении практически всей его истории, — увлеченно продолжал Велемир Радомирович. — Да так и не нашли. Хотя версий и гипотез существует множество. А те, кто особенно глубоко погружался в эту тему, как правило, сходили с ума. Вот был в девятнадцатом веке такой ученый-самоучка, малороссийский помещик, друг Пушкина и Гоголя Платон Акимович Лукашевич, который на расстояние шага приблизился к праязыку. Так он окончил свою жизнь в «желтом доме». И многие другие тоже. Это очень опасные поиски. Тут вмешиваются inferнальные силы. А почему?

— Да, почему? — спросила на сей раз Марина. Все, что было связано с потусторонним миром, ее занимало. Притягивало. Вадим же подумал: «Вот ты и проговорился, сам признался, отчего крыша прохудилась и тараканы в доме завелись».

— А потому, — начал объяснять филолог-нейролингвист, — что в основе зарождения мира лежит духовное начало. Дух воздействует на материю, находящуюся в состоянии хаоса, и творит, упорядочивает ее формы. А праязык, исходно данный людям Божи- ственным Духом, служил основой для построения многочисленных языковых «деревьев», где он играл роль начальной части ствола. Подлинную историю мироздания можно реконструировать только через язык. И если «В начале было слово», то и окончание мира также будет связано со словом. Только с «черным словом», лживым, антихриста. Как известно, эсхатология — это учение о конце мира: эсхатос — конец, логос — слово...

— Ну да, проходили, — вяло поддакнул юрист.

— Язык — это основной инструмент управления человечеством, потому что только он позволяет соз-

давать, разрушать и передавать смыслы безусловно. Все остальные орудия строительства и разрушения мира смыслов и материального, явного мира подчинены также только языку. Священное писание прямо говорит нам: на всей земле был один язык и одно наречие. Адам и был живым языком, ходящим непосредственно пред Отцом Богом. И язык этот был целомудренным, ему подчинялись ум, тело и вся жизнь. Первородный грех расколол разум Адама, все вокруг раздвоилось. Стало два языка — два ума: душевный и плотский. А умирая, Адам предрек, что на том месте, где его похоронят, будет распято слово. Это Голгофа. Здесь можно еще схематично добавить, что Змий искушал Еву, соблазняя ее своими речами — языком отца лжи. Забыв на миг язык Бога, она прислушалась к искусительным речам Змия, перешла на чуждый для нее язык, по сути, «иностранный», ино-странный, ино-славный, который заглушил родной и стал управлять ее разумом.

— К покойной супружнице бы поближе, — с тихой проговорил Вадим. — А то мы этак никогда до дела не доберемся.

— Обождите, еще чуть-чуть, — отмахнулся исследователь. Речь его завораживала. Вадим прямо на ходу, продолжая двигаться, начинал подремывать, а вот Марина, напротив, слушала очень внимательно.

— Изучая древние языки, историографию, знакомясь с трудами выдающихся лингвистов прошлого и нашего времени, отечественных и зарубежных, причем даже тех, которые находятся под семью печатями запретности, а таких, поверьте, немало, я — да и не только я один! — пришел к неоднозначным выводам. Многие теории индоевропеистики, базирующие свои выводы не на славянских древних субстратах, а на иноязычных, подлежат переосмыслению и пересмотру. Что я и делаю, чем и занимаюсь всю свою сознательную жизнь.

— И вы один со всем этим справляетесь? — с изумлением спросила Марина.

— Ну не в одиночку же, конечно, — отозвался он. — Мне мои студенты помогают, аспиранты, ученики. Соратники. Жена вот тоже оказывала огромную поддержку и помощь. Пока не погибла. Или, — добавил он, помолчав, — ее не убили намеренно. Но продолжу.

Они шли по Садовому кольцу к Цветному бульвару, просто получая удовольствие от неспешной прогулки. Но казалось, что двигаются в прошлое — к истокам человеческой истории. И все благодаря Велемиру Радомировичу.

— ... Если взять всю Евразию, начиная от Великобритании и кончая даже Аляской, то весь этот север в каменном веке действительно был весь русским, — продолжал рассуждать он. — Складывается такое впечатление, что русский был тем самым единым языком, о котором в Библии написано, что был один язык до построения Вавилонской башни. Поэтому русская (и вообще славянская) лексическая современность вполне реально может оказаться славным прошлым древнелатинского до его деградационных изменений, а также праиранского языка и прасанскрита. И еще. Главное заключается в том, что в русском живом языке находятся в большом количестве трехбуквенные корни, способные в смысловом поле заполнить предметно и символично все фонетические комбинации согласных. В других языках такого положения нет. Это — особая структурная организация нашего языка.

— Я уже на седьмом небе, — не скрывая насмешливости, произнес Вадим. А Марина толкнула его локтем в бок.

— А почему некоторые нации так стремятся к тому, чтобы попасть в одну из языковых индоевропейских групп и быть ближе к праязыку? — спросил Велемир Радомирович. — Почему принадлежность к индоевропейской семье считается престижной и даже служит основанием для националистических

идей исключительности и избранности? Ответ содержится в разделе языкознания, изучающем связь языка и мышления, а точнее – влияния языка на организацию процесса мышления. Это уже из области нейролингвистики.

Он улыбнулся, вспомнив что-то.

– Приведу пример из своей практики. Как-то мне довелось многократно принимать экзамен по исторической грамматике у студента одной из малых кавказских народностей. Сдав, наконец, после многих трудных попыток экзамен, он подошел к доске и сказал: «Велемир Радомирович, я хочу вам сделать один подарок». И начал писать на доске русскими буквами непонятные длинные слова. Он исписал половину доски, а потом повернулся и сказал: «Я написал на родном языке то, что произошло здесь сейчас и что можно выразить одним русским словом – «выкрутился». А чтобы понять и изложить историческую грамматику – сами понимаете. Когда я выучил ее на русском языке – мне стало значительно легче думать обо всем. Спасибо вам». И ушел.

– Действительно, ценный символический подарок, – улыбнулась Марина.

Вадим, в отличие от своей невесты, буквально засыпал на ходу. Слишком много съел и выпил за ужином. А Велемиру Радомировичу было все нипочем.

– Если представить, что в голове человека управляют одновременно два главных языка, то он сойдет с ума или тут же, как Иуда, повесится. Сказано ведь: не можете одновременно служить Богу и мамоне. Хотя мозг непрерывно плодит всякие вспомогательные языки на все случаи жизни и для любой ситуации. Но закон монархии одного языка давно доказан психологией, психолингвистикой и кибернетикой. Так что родной язык – царь в голове человека. И власть этого царя в голове свергнуть невозможно.

Остановившись и раскурив трубку, Велемир Ра-

домирович с наслаждением затянулся ароматным табачком. Потом дополнил свою мысль:

– Американец Сперри в 1981 году получил Нобелевскую премию за эпохальное «открытие» с расовым душком – функциональную асимметрию полушарий головного мозга. Суть в следующем. Кто-то левополушарный, кто-то полушарный справа, ну и одни, стало быть, поумнее других. Всех, обладающих высокоразвитым левополушарным мышлением, сразу же объявили истинными носителями «общечеловеческих ценностей». Ими «почему-то» оказались люди, наиболее способные к знаковым наукам и занятиям в сферах экономики, математики, финансах, культуры, филологии. Информатики, разумеется, тоже. Как вы понимаете, это в основном жители городов, мегаполисов и «цивилизованных стран». А вот коренное сельское население по всему свету сразу стало неперспективным, поскольку оно «правое» – с неразвитым левым полушарием. Чуете, куда и откуда ветер дует? Это одна из самых древнейших матриц: «Каин – Авель».

– Подуйте еще, что-то я пока не врубилась, – попросила Марина.

– Человеческая история, – охотно пояснил Велемир Радомирович, – по сути, завершается той же сценой, с которой когда-то началась: высокоразвитый Каин-урбанист, построивший некогда первый город, добывает на поле Авеля. Логика подсказывает, что на роль Каина подходят именно англосаксы и иудейский народ, как первенец, а на роль Авеля – русский, как последний богоизбранный народ. Это метафизическое братоубийство мистическим образом соединяет начало с концом времен.

– Да что толковать о неизбежном и неотвратимом даже по Откровениям Тайнописца, – усмехнулся Вадим. – Чему быть, того не миновать.

– И вы так спокойно к этому относитесь? – удивился мужчина. – И вас не трогают за живое про-

видческие картины Босха, который изобразил евронароды чудовищными карликами и уродцами? А Брандту пришлось усадить их на «Корабль Дураков», чтоб с глаз долой, а Шпенглер показал им «Закат Европы». Дарвин «открыл», что все народы произошли от обезьяны Бога, и дал новую заповедь естественного отбора. Маркс подменил Благодать Божию деньгами и товаром. Ну, а Фрейд лишил отцовства и заменил разум на либидо – сексуальную энергию...

– Ваяйте дальше, – сказала Марина, поскольку Велемир Радомирович на некоторое время замолчал. Тут он словно бы очнулся от своих грустных мыслей:

– Теперь доламывают словесное существо. А для чего, как вы думаете, планета вся опутана электронно-информационными сетями? А человек стал подобно живому узлу связи всего со всем. Выдерни штепсель и посмотри – что станет с современным человеком? Весь его внутренний мир – этот перво-родный Интернет – набит знаками, формами, формулами, а все родное и вечное в нем задавлено вседушим хаосом. Истинные связи разорваны, а взамен их создаются, сплетаются чужие, поверхностные, временные.

«Не надо было его тащить с собой в «Шеш-Беш», – подумал Вадим. – Ох не надо. До добра это не доведет...»

– Состояние речи – это состояние мысли, – продолжал Велемир Радомирович. – Состояние мысли – это состояние сознания. А состояние сознания – это предпосылка поступков. Поступки же – сущность поведения людей, а сущность поведения людей – это судьба народа. И для жизни независимого государства, а таковым вроде бы пока еще является Россия, необходим высокий уровень владения языком его граждан. А каков этот уровень сейчас? Я даже не беру мигрантов-гастарбайтеров, дворников из Средней Азии или абреков с Кавказа. Включите телевизор, послушайте дикторов, загляните в «жел-

тую» гламурную газету, откройте массовую беллетристику или просто выйдете на улицу и послушайте. Состояние удручающее.

– Да уж, – согласился Вадим. – Но что же с супругой-то приключилось?

Хорошо хоть погода стояла отменная, жара уступила место легкой прохладе, темнеть только начинало, все вокруг было тихо, спокойно и миролюбиво. Как в стародавние времена.

– Жена обождет, теперь уже ей спешить некуда, – осадил его Велемир Радомирович. Он остановился возле цветочного киоска, выбрал букет бордовых роз и преподнес Марине. И продолжил свою речь: – «Пастухи», чтобы стадо не разбежалось, а вело себя покорно, применяют сейчас информационное нейролингвистическое оружие. Мне эти методы хорошо знакомы, они существовали всегда, еще с добиблейских времен, только под разными названиями. Как появился первый язык – так и началось обольванивание. Племенные вожди, жрецы, маги, знахари... Каждый использовал слово к своей выгоде. Я выступал с лекциями об этом и в университетах России, и практически на всех континентах. Пока меня не «запретили». Но это уже после гибели Лены.

– А как она поги... – начала было Марина, но Велемир Радомирович не дал ей договорить.

– Психолингвистикой доказано, что только родной язык, как целостная смысловая система, настроен на внутренние струны души-ума человека. Активно же изучаемый иняз всегда является системой разделительной, что вносит в мышление бессмысленные цели, глушит и забивает, как сорняк, родные языковые корни. Запад, внедрив во все сферы нашей жизни невиданный, веками накопленный им моральный, да и физический разврат, нанес нам самый страшный в истории удар по русскому языку, по культуре, по образованию, по институтам семьи. А ведь семья – это колыбель народа. А язык – это

сам народ и есть. Неслучайно еще два века назад это были тождественные понятия.

Помолчав немного, он с горечью добавил:

— Вот меня и лишили семьи... Жены, которая была «моим народом», моим «языком»... Я занимаюсь цефалогенезом, антропологией, психологией, психолингвистикой, семиотикой, информатикой, много еще чем и о многом могу рассказать. Науке давно известно, что в языке содержится больше исторической и культурной информации о носителе, чем в самом народе, если «вживую» изучать его нравы, традиции, обычаи. Исследуя любой древнейший язык, можно восстановить-оживить образ его носителя-народа, след которого давно исчез в веках. Вот почему языки позволительно считать «мертвыми» только в том смысле, что некому стало их озвучивать. Поскольку их «беушные» носители-народы когда-то предали слово Бога, развратились и пропали в пучине мирской истории. Как древние греки и римляне, как десятки, а то и сотни цивилизаций. Что грозит и нам. Умирают лишь носители-народы, а не языки, когда слово покидает их, как души — усопших. Ведь именно Дух пользуется и вразумляет плоть, а не наоборот.

Телохранитель, шедший следом, прислушивался к его словам. Велемир Радомирович, надо признать, умел говорить и гипнотически завораживать слушателей, даром что нейролингвист. В вечерней летней тихой Москве, пока они шли по Садовому кольцу, чувствовалось благоухание цветов. И звучали слова их спутника. Велемир Радомирович остановился и повел рукой в сторону группы агрессивно настроенной молодежи, движущейся им навстречу. Они громко переговаривались, хохотали, толкали друг друга. Вадим поспешил утянуть Марину к краю тротуара, заблаговременно уступая дорогу еще не разывравшемуся торнадо. А нейролингвист продолжал громко говорить, словно вызывая огонь на себя:

— Тела современных людей — это мировая свалка, помойка, геенна огненная, откуда квинтэссенция гниения и испарений поднимается в мозг, как в синтезатор-ассенизатор и воплощение в жизнь главных идей и желаний плоти. Вот поглядите. Полюбуйтесь на них. Сытая жизнь для тела и бесконечных плотских удовольствий стала единственной целью и пределом мечтаний. Разве не так?

Отвязная молодежь прошла мимо, не задев его. Очевидно, с помощью своих нейролингвистических фокусов он умел управлять и таким вот «торнадо». А может, просто на молодежь подействовали стальной блеск в глазах телохранителя и намеренно отодвинутая им пола пиджака, обнажившая наплечную кобуру с «пушкой».

— Что вы за рекламной тумбой прячетесь, идите сюда! — позвал Марину и Вадима Велемир Радомирович. — Суть этого нового неоязычества, о котором я говорю, заключается в том, что плоть человеческая обрела активный язык, который неудержимо тащит человека ко всякой твари вместо Творца. И современное неоязычество многократно усилило этот убийственный для человека язык всевозможными айподами и айфонами, иными техническими и электронно-информационными штучками. Несчастную молодежь уже превратили в последнее поколение живых динамиков и усилителей, чрез которые сам лукавый орет и прокачивает свою поп-механику. Это нововавилонское поколение. А неоязычество — это апокалиптическое торжество плоти, ее последний крик.

Они пошли дальше, и тут только Вадим тревожно спросил, чувствуя, что их против воли тянет вперед какая-то неведомая сила:

— А куда мы вообще идем-то?

— Да туда, куда выйдем! — с хитрой и даже, как показалось, коварной усмешкой ответил спутник, свалившийся на их головы черт знает зачем и откуда. Как посланник inferнального мира.

– Итак, – произнес он, – человек и Вселенная имеют одно наречие, а вся Природа, Космос логично-словесны, то есть пронизаны грамматическими структурами и человеческими свойствами. По антропному принципу. Воистину все сущее создано и расписано одним почерком слова. Во Вселенной все со всем и со всеми общается и соединяется. Это как космическая литургия – песнь о всецелостности Мироздания. Ведь Мир – это большой человек.

Сделав театральную паузу («Он еще и артист отменный», – подумал Вадим), Велемир Радомирович продолжил:

– Но сегодняшний хаос лжеинформации разрушает внутренний мир человека и поселяется там сам. Чтобы были не слышны из глубин естества праотцовские слова-корни. Чтобы все люди обменивались хаосом, потребляли друг друга и становились «гуманоедомы» – последней популяцией людей.

– Ну хорошо. А причем тут ваша жена? – вновь напомнил уже вовсю загрустивший Вадим, представив себе, что эта вечерняя прогулка никогда не закончится, а странный, но интересный субъект отныне будет идти с ними по жизни до гробовой доски. Той, которую когда-то «натянул» на себя Святогор, а теперь вот, похоже, и Велемир Радомирович.

– Сейчас отвечу, – пообещал «инфернальный посланник». Но говорить стал опять про другое: – Теперь слово «русский» заменено на «россиянин». Ну, конечно, любой получивший гражданство России негр, несомненно, станет россиянином, но ведь это несколько не свидетельствует о его истинной национальности. Национальность – это имя народа. Еще в начале двадцатого века русский этнопсихолог Дмитрий Овсяннико-Куликовский говорил, что только слабоумные и идиоты лишены национальных признаков. Но верен и обратный силлогизм: человек, лишенный национальных признаков, попросту слабоумен и идиот. На Руси с давних времен,

провожая родного человека в дальнюю дорогу, напутствовали: «Помни имя свое!». Имя народа – его священное наследие. Без имени – нет и именуемого. Вот и хотят превратить русских в недоделанных «россиян». Нам с преступным умыслом твердят, что русские люди испокон веков были варварами, дикарями, колонизаторами, врывались в хутора, аулы, кишлаки, стойбища, сея коренным народам лишь смерть и разрушения.

– А разве не так? – наивно спросила Марина.

– А почему же тогда, замечу, они оставляли после себя школы, больницы, театры, музеи, университеты, фабрики и заводы? Русская литература служила и служит питательной средой многочисленных культур народов России. А русский язык выполнял и выполняет в многонациональной России объединительную роль, являясь важнейшим скрепом и залогом безопасности государства. Однако наши «управленцы» руководствуются своим примитивным взглядом на образование как на «сферу услуг», подчиняясь лишь командам «господина Доллара». Их принцип: для «кухаркиных детей» – минимум знаний. А дети элиты и сами не хотят получать никаких знаний. Куда ж придем?

– Да туда, куда выйдем! – словами самого же Велемира Радомировича ответил Вадим, тем самым «отомстив» ему за его «поводырство».

Но тот лишь отмахнулся:

– Все, что происходит в последние два десятилетия, удивительным образом соответствует задачам, поставленным международной закулисой в двадцатом веке, прежде всего программой Стенфордского Фонда Чарльза Кеттеринга – «Изменение образа человека», под руководством Уиллиса Хармона. Я тщательно ознакомился с ней, когда читал лекции в Гарварде и копался там в архивах. Она официально принята правительством США. Ее цель – достичь

изменения образа мыслей и представлений широких масс в нужном направлении.

— Что это еще за шняга такая? — спросила Марина.

Велемир Радомирович охотно пояснил:

— Программа использует прежде всего «шоковое воздействие» на сознание народных масс, метод «потрясений». Допустим, появляется в эфире чудовищно безнравственная, цинически бесстыдная информация (а сейчас она почти вся такая), нарушающая все традиционные представления о морали. Вслед за бурей протестов начинается «обсуждение ситуации», то есть спор о бесспорном. Это первый этап растления масс. Затем идут манипуляции с сознанием для снижения уровня стыдливости, с помощью ангажированных СМИ, рекламы и так далее. Программа Хармона доводит обывателя до помрачения информационными «вспышками», происходит «замешательство сознания», снижение уровня стыдливости, нравственности, культуры. И все это нацелено на резкое снижение духовных начал и коренных понятий, обеспечивающих нормальное развитие человека и народа в целом.

Видя, что молодые люди уже слегка утомились и начинают украдкой позевывать, он свернул тему:

— Расскажу для разнообразия один исторический анекдот. В конце XIX века командующий французскими войсками в Марокко и Алжире генерал Луи-Жубер Лиоте однажды решил пройтись пешком. Был полдень, нещадно палило солнце. Генерал приказал своим подчиненным обсадить дорогу деревьями, которые давали бы тень. «Но, Ваше превосходительство, деревья вырастут только через 50 лет», — заметил один из офицеров. «Именно поэтому, — прервал его генерал, — работу надо начать сегодня же...». К чему это я? А к тому, что этот забавный факт был приведен во введении к совершенно секретному документу британской разведки СИС. В котором в

1950-х годах совместно с ЦРУ были впервые сформулированы стратегические основы ведения психологической и нейролингвистической войны против «коммунистических» стран. И выбрано кодовое слово для этой операции — «Лиоте». Смысл его заключался в том, что, приступая к осуществлению своей программы, ее авторы намеревались получить результаты спустя десятилетия. Получили...

Выдержав еще одну паузу, достаточную для осмысления сказанного, Велемир Радомирович добавил:

— Однако русский народ оказался самым живучим и эластичным в мире. Лишь за последние сто лет он пережил монархию, тоталитаризм, идеократию, социализм, теперь вот переваривает демократию с уклоном в дикий капитализм. Накопленный нами веками опыт выживания в любых условиях, принес, с одной стороны, невероятные страдания, а с другой — дал тяжелый, а значит, тем более бесценный опыт.

Некоторое время они шли молча.

— Так что же с вашей женой приключилось? — выбрав удобный момент, в который раз спросил Вадим.

После этого вопроса их спутник стал как-то зримо затухать — огонь в фальшфейере иссяк.

— Да, жена... — пробормотал он. — Это ведь тоже своеобразные поиски, вроде поисков праязыка. Языка пропавшей жены. Помните, у Блока: «О Русь моя, жена моя!..» Тут нечто подобное. Русь без языка, жена тоже.

— Чего-то я совсем запутался, — признался Вадим. — Русь, жена, праязык... Каша какая-то. Метафизическая. Так пропала ваша супруга на самом деле или все это... аллегория?

— Нет. Пропала. Вместе с языком, — как-то невинно отозвался мужчина.

— Расскажите о ней поподробнее, — попросила Марина.

— Что ж сказать? Больше всего на свете, кроме меня, смею надеяться, Лена любила свою химию, кино и горы. Вот горы-то ее и погубили. Ну и кино тоже, поскольку в 2002 году она увязалась за съёмочной группой Бодрова-младшего в Кармадонское ущелье в Северной Осетии. А так каждое лето ездила то на Урал, то на Памир, то еще куда. Сам-то я не ходок, оставался в Москве.

— Искали праязык человечества, — съязвив, подсказал Вадим. — Конечно, где ж ему быть, как не в Южном Бутово или в Бирюлево? Оттуда все и зародилось, все слова матерные.

Велемир Радомирович юмор не оценил, ответил так:

— Здесь, в архивах да библиотеках, и копался. Кроме того, многое почерпнул из бесед с академиками и профессорами Троицким, Тюриным, Чудиновым, Гриневичем и другими умами. Так вот. Потянулась она, значит, за киношниками, звонила мне радостная из гостиницы во Владикавказе, говорила, что завтра, двадцатого сентября, идет в горы. А на следующий день в двадцать часов пятнадцать минут с вершины двинулся ледник Колка — двести лет не трогался с места, а тут — на тебе! Да еще со скоростью триста метров в минуту.

— Как «Феррари»», — добавила Марина. Гоночные машины она также уважала.

— И всех разом накрыло. Все ущелье. Льдом, камнями... Высотой в несколько сот метров. Подсчитали, что погибло сто двадцать семь человек, через два года откопали тела лишь семнадцати. Лены среди них не было.

— Значит, официально она считается пропавшей без вести? — уточнил Вадим.

— Официально они все считаются погребенными под ледником, — ответил Велемир Радомирович. — Свидетельство о смерти мне не выдали, только справку. Тело-то не нашли. Но забыть Лену я не могу.

— А зачем вам вообще надо разводиться? — задала очередной вопрос Марина. — Да еще задним числом. Уж коли вы ее так любите. Любили, — поправилась она.

— И буду любить, и помнить до конца жизни. Но это ненормальная ситуация. Любить мертвую все же лучше, чем пропавшую в неизвестности. И это не какая-нибудь моя прихоть, с разводом. Она, Лена, как бы это потолковее объяснить?.. Она меня «не отпускает». Все время рядом, будто наблюдает за мной, следит. Мне, видите ли, порою становится просто страшно. Боюсь даже, что сойду с ума.

«Уже сошел, и не только от поисков праязыка», — подумал Вадим, но вслух спросил:

— Как это — «не отпускает»?

Помолчав, словно собираясь с силами, соломенный вдовец продолжил, вновь разгораясь, как фальшфейер:

— Сначала это были всего лишь метафизические, мистические ощущения ее присутствия. Но вот неделю назад я поехал в городок Юрьеvec, на Волге, на родину Андрея Тарковского. Один языковед, доктор наук, старенький, сказал мне, что там можно обнаружить некие древние артефакты, следы праязыка. И дал рекомендации к человеку, старожилу Юрьеvца, который мог мне помочь. Место там тихое, спокойное, самый большой разлив Волги. Да и мы с Леной в прошлом иногда ездили туда отдыхать. Нравилась церквушка на холме. Родник с какой-то чуть ли не живительной влагой. Словом, решил туда прокатиться. Совместить полезное с приятными воспоминаниями.

— Ну и? — подстегнул его Вадим, поскольку мужчина опять замолчал, погрузившись в себя, как в подводную лодку. Только глаза-перископы уставились вперед. Велемир Радомирович очнулся.

— Приехал я вечером. Пустых номеров в гостинице как всегда навалом. Она у них двухэтажная и

единственная. А можно и удобный домик или квартиру снять при желании. Но у меня-то такого желания не было. Я вообще человек неприхотливый, ношу, что есть, ем, что дадут, и живу, где сон сморит. Где кровать да лампа. А сплю вообще мало, два-три часа в сутки.

— Это заметно, — сказала Марина. — Пуговицу бы вам пришить не мешало. Заняться, что ли?

— А сумеешь? — съехидничал Вадим. — Никогда не видел, чтобы ты что-то руками делала, дочь бога Гламура.

— А ты — офисный планктон, белый воротничок, пасынок Креатива, — тотчас откликнулась она.

— Не бранитесь, дети мои, — развел их Велемир Радомирович. — Успеете еще. И жениться, и развестись, и снова жениться. Как Элизабет Тейлор с Ричардом Бартоном, не один раз. Так вот. В гостинице, как обычно, горячей воды не было. Мало того, холодной тоже. Зато возле нее, даже в холле и на этажах, много местных детей-попрошаек.

— Это везде так, по всей России, — согласился Вадим.

— Можно подумать, что ты много по стране ездил, — возразила Марина. — Да ты дальше Садового кольца носа не кажешь. С Николиной горы на Смоленскую и обратно, вот и весь твой маршрут.

— А ты? Давно ли в своем Олонце была? Как приехала в столицу три года назад, так из фитнес-клубов да фотосессий и не вылазишь. Тебе ли знать, чем живет провинция?

— Я-то хоть корнями к земле ближе, а ты — к асфальту!

— Иной асфальт чернозема стоит.

— Ах так?

— Ричард, Лиз, хватит вам, — вновь остановил их «старший по званию». — Интересная у вас в скором времени семейная жизнь начнется. Не соскучитесь. Даже по-доброму завидую. У нас-то с Леной как-то

все без особых ссор обходилось. Пресновато. Хотя конфликты случались. Ну ладно, слушайте дальше. Тут-то самое главное и начинается.

— Наконец-то! — хмыкнул Вадим.

— Присядем? — предложил Велемир Радомирович, кивнув на уютную лавочку, спрятавшуюся среди кустарника на Цветном бульваре. Любопытно, что никто из них, ну, может быть, кроме одного, не задавался вопросом, куда и зачем они идут? Просто шли и шли, а теперь вот присели передохнуть. Чтобы продолжать слушать и говорить. А телохранитель устроился неподалеку.

— Итак, заселившись в гостиницу, я стал думать, как бы скоротать вечерок? Время было позднее, не до встреч с местным старожилом-артефактом, который наверняка спит лучшую часть светового дня. Отложил до утра. Честно говоря, я уже начинал слегка разочаровываться в своей поездке. Ну какие следы праязыка можно обнаружить в Юрьевце? Хотя как сказать... Как сказать, — повторил мужчина, задумавшись на короткое время. Потом увлеченно продолжил: — Вот, скажем, еще в 1961 году в Трансильвании, на родине Дракулы, в маленьком румынском поселении Тэртерия археологи обнаружили сенсационную находку. Она поломала вековые устои в отношении праязыка и имела поистине поворотное значение в лингвистике, в науке о языках. А случилось вот что. Археологи нашли три крохотные глиняные таблички с пиктографическими изображениями. И они оказались на тысячи лет древнее шумерских! А ведь многие ученые считали именно шумеров изобретателями всего на свете, в том числе и древнего первого языка. Оставалось только гадать: каким образом почти за семь тысяч лет, да еще далеко за пределами прославленных древневосточных цивилизаций очутились вдруг древнейшие на сегодняшний день в истории человечества письма, датируемые с помощью изотопных анализов четвер-

тым тысячелетием до нашей эры? Ну-ка, кто из вас ответит?

— Никто, — обреченно отозвался Вадим, поняв, что Велемир Радомирович вновь оседлал своего любимого «конька» и остановить его нет никакой возможности. Но Марине нравилось все таинственное, поэтому она еще и прищпорила эту «лошадку», задав провокационный вопрос:

— Шумеры ведь, насколько я помню, были инопланетяне, прилетели к нам с какой-то планеты?

— С планеты Нибуру, — уточнил мужчина и улыбнулся: — Но вы не можете этого помнить, поскольку были тогда еще слишком малы.

— Ну не настолько, на тот момент уже двести с гаком исполнилось, — возразила Марина.

— Тогда да. Тогда вы должны помнить и две другие не менее загадочные цивилизации, возникшие чуть позднее. «Чуть», разумеется, по историческим меркам: каких-то семьсот-тысячу лет спустя. Древнеегипетскую — в долине Нила в 3100 году до нашей эры и древнеиндийскую — в долине Инда. И обе они, несомненно, испытали на себе сильнейшее влияние Шумера, удивительные достижения которого потрясут воображение современного человека до сих пор. Ведь шумеры стали первооткрывателями почти в сорока сферах человеческой деятельности. И это притом, что подобные знания не были нужны людям на заре цивилизации. Загадка? Еще какая. Более того, зародившаяся шесть тысяч лет назад цивилизация Шумера так же внезапно и таинственно исчезла.

— А может быть, они действительно инопланетяне? — спросила Марина.

— Такая версия невольно всплывает у многих исследователей этой цивилизации. И это вполне естественно, поскольку подобное объяснение самое простое. Откуда у древнего народа были такие потрясающие знания? Между Марсом и Юпитером шумеры «видели» неизвестную большую планету.

Они называли ее Нибуру, что означает «перетекающая». Нибуру якобы имела очень вытянутую и наклоненную орбиту и проходила между Марсом и Юпитером раз в 3600 лет. Именно с этой планеты, как прочли в шумерских текстах, на Землю пришли анунаки, «сошедшие с небес на Землю» примерно 445 тысяч лет назад. Причем, как утверждают шумерские письмены, «сходили» не один раз, а регулярно — каждые 3600 лет. Кстати, скоро опять «сойдут», поскольку цикл из этих очередных 3600 лет вот-вот закончится.

— И что же нас ждет? — поинтересовался Вадим.

— Ничего хорошего, — ответил Велемир Радомирович. — А может... Черт его знает! Я, право, не в курсе. Вопрос не ко мне. Но зачем же жители Нибуру высаживались на Землю? Оказывается, эта планета столкнулась с экологической проблемой. Для защиты своей атмосферы анунаки создали щит из золотых частиц. Точно такая же идея используется в современных космических кораблях для защиты космонавтов от радиации. Вот и анунакам было нужно золото. Его они обнаружили на седьмой планете нашей Вселенной, то есть на Земле, и отрядили на нее первую экспедицию. Сначала они безуспешно пытались добывать драгоценный металл из вод Персидского залива, а потом взялись за разработки шахт в Юго-Восточной Африке. Около 300 тысяч лет назад анунаки, работавшие на золотодобыче, устали от тяжелой работы и подняли мятеж. Тогда инопланетные ученые с помощью генетических манипуляций создали специальных работников — хомо сапиенс. То есть нас.

— Из обезьян слепили людей. Теория Дарвина полностью подтверждается, — торжественно заявил Вадим.

— Для кого как, — ответил Велемир Радомирович. — Есть же еще и божественная история. Она мне как-то ближе. А по этой теории инопланетяне на-

делили «новоделов» своими знаниями и умениями. Постепенно произошло слияние двух цивилизаций – земной и инопланетной, у хомо сапиенс и анунаков появились общие дети. Это всего лишь уфологическая версия, весьма, надо признать, любопытная. Но вот что странно. Современные археологические исследования подтвердили, что в Южной Африке в период каменного века действительно велись горнодобывающие работы. Археологи открыли обширные золотодобывающие шахты глубиной до 20 метров и определили возраст шахт – от 80 до 100 тысяч лет! Кстати, легенды племени зулу гласят, что в этих шахтах работали рабы из плоти и крови, искусственно созданные «первыми людьми».

– Типа таджиков-дворников, – совсем не толерантно вырвалось у Марины.

Вадим толерантно погрозил ей пальцем, а Велемир Радомирович продолжил:

– Но меня как нейролингвиста интересует прежде всего вопрос: являлись ли шумеры создателями письменности? То есть были ли они и тут первыми? Можно ли считать их родину местом искомого праязыка?

Вадим вновь заскучал, его от всей этой «лишней» информации корбило. А Марине нравилось. Она словно бы восполняла недостаток знаний, полученных в двух университетах. Хотя, по правде говоря, дипломы о высшем образовании попросту купила, как это теперь делали многие, да практически все.

– Шумеры создали уникальную форму письменности – клинопись. Шумерские письмены позволили ученым проследить сложный путь превращения знаков-рисунков в фонетические знаки, в знаки подлинного письма, передающего звуковую речь. Но это не то. Не праязык человечества.

– А в чем проблема-то? – устало спросил Вадим.

– Сейчас там, в долине Тигра и Евфрата, звучит арабская речь. Но это совсем не та речь, на кото-

рой разговаривали шумеры. Две тысячи лет назад тут говорили по-арамейски. А если «отсчитать» еще две тысячи лет от нашей эры, то «столкнемся» уже с аккадской речью. Процесс можно еще больше «углубить», как говорил один наш политический вредитель, колорадский жук, взглянуть на шесть тысячелетий назад. И вот тогда только в Двуречье мы услышим шумерскую речь. Жители этой местности не только говорили по-шумерски, но и писали на этом языке. До нас дошло большое число «глиняных книг», обожженных табличек, покрытых рисуночными письменами. А исследования последних лет – археологические, лингвистические, антропологические – показали, что не шумеры были аборигенами Двуречья. Таким образом, цивилизация в Двуречье – дело рук не шумеров, а их предшественников «протошумеров».

– Это еще что за птицы?

Голос, как ни странно, принадлежал телохранителю, который стоял возле лавочки. О нем они все как-то и позабыли. Но безъязыкое «существо» тоже вдруг оказалось живым человеком.

– Да ты присаживайся, – пригласил Велемир Радомирович и начал охотно объяснять: – Обычно приставка «прото» употребляется в смысле «первые», «ранние», «самые первые». Однако предшественники шумеров говорили не по-шумерски, их язык был иным. Поэтому в науке принято другое наименование творцов древнейшей цивилизации Двуречья. По времени возникновения она до недавних пор являлась самой ранней цивилизацией на нашей планете. По имени холма, где впервые эта цивилизация была обнаружена и который по-арабски называется Эль-Убайд. Их называют «убайдцами». Происхождение убайдцев до сих пор остается загадочным. Дело в том, что «люди убайдской культуры» как-то сразу и внезапно осваивают плодородные земли низовьев Тигра и Евфрата, основывают здесь первые поселки,

которые позднее вырастут в знаменитые шумерские города. Эти пришельцы предстают перед нами с самого начала как носители высокоразвитой культуры.

— Кто же они? — спросил любопытный телохранитель.

Получив пополнение аудитории, нейролингвист словно бы обрел второе дыхание:

— Поскольку первыми создателями цивилизации Двуречья были убаидцы, можно употребить термин «убайдская», говоря о древнейшей системе письма, существовавшей в Двуречье еще до появления там шумеров. Восприняв ее, шумеры создали свое письмо — протошумерское — на основе «убайдского». Подобно тому, как они восприняли и развили другие достижения убаидцев в области материальной и духовной культуры. Но ведь и убаидцы также являются пришлыми в долине Тигра и Евфрата. Вот ведь в чем загвоздка! До них тут существовала иная очень примитивная культура. Стало быть, не в Двуречье, а в ином месте надо искать истоки «убайдского письма», некое еще более древнее «протописьмо»...

— Это как матрешка в матрешке, — заметил телохранитель.

— Да, пожалуй. Есть такой нейролингвистический прием, чтобы запутать, — согласился Велемир Радомирович. — От этого «протописьма» отделилось письмо убаидцев, когда они пришли из некоего Центра X на юг Двуречья. Вторая ветвь дала начало протоиндийскому письму, а третья — протоэламскому. Помимо трех самых известных цивилизаций Древнего Востока — Двуречья, Египта и Индостана, существовала еще одна, не менее древняя, но гораздо менее известная — эламская. Об Эламе знают удивительно мало, а между тем здесь, в горных областях Ирана, были раскопаны древнейшие города, шедевры изобразительного искусства, обнаружены загадочные письмена, которые до сих пор еще не расшифрованы.

Тут терпение Вадима наконец-то лопнуло. Не выдержав более, он в сердцах бросил:

— Может, хватит уже о шумерах, убаидцах и прочей лабуде? Вы уж определитесь, что ищете: Центр X, праязык или свою жену?

— И то, и другое, и третье, все имеет для меня огромное значение, — невнятно отозвался Велемир Радомирович, ничуть, впрочем, не обидевшись. И добавил: — Но вы правы. Прибьемся течением времени вновь к Юрьевцу. Итак, заселившись в гостиницу, я решил, чтобы не скучать в одиночестве, скоротать вечерок в обществе шуйской водки. Кстати, очень неплохая. Рекомендую, ежели будете в тех краях.

— Я текилу предпочитаю, — заявила Марина.

— Отравы, — тотчас же возразил Вадим.

— Сам ты «отравы», — последовало в ответ.

— Зато не паленка, как некоторые.

— Ах так?!

— Слышала бы ваши ссоры Лена! — с какой-то грустью вмешался в их разговор Велемир Радомирович.

Жениху с невестой стало немного стыдно: тут о святых воспоминаниях, а они — про некачественный алкоголь.

— Продолжайте, — кашлянул Вадим.

— Продолжаю. Администраторша в гостинице намекнула мне, когда я заполнял листок, что можно скрасить одиночество и «другим способом». Ну, вы меня понимаете.

— Интим-услуги с широким выбором мулаток и мулатов? — спросила Марина.

— Вот именно. Работы-то как таковой ни у кого нет, особенно у женского пола. Мужики пьют, женщины... Ну, словом, я отправился в магазин за продуктами. Ресторанов или кафе там тоже мало. Вернее, есть что-то несуразное, но и оно закрывается очень рано. Народу на улице почти никого. Больше

собак. Да и те какие-то сонные, квелые от постоянного безделья даже не твякают.

— Итак, вы остались наедине с шуйской водкой.

— Почти так. Я вернулся с продуктами в свой номер, стал резать хлеб и колбасу. И тут вдруг обнаружил на столе записку. Послание. Когда я уходил, его не было. Значит, появилось только что. Листок бумаги, сложенный пополам. Я развернул. И, поверьте, едва не упал со стула. Мне буквально кровь бросилась в глаза.

— Что же там было написано? — задала вопрос Марина.

Велемир Радомирович полез в карман, порылся и вытащил на свет листок бумаги, вырванный, судя по всему, из блокнота.

— Вот, сами смотрите.

Марина взяла листок двумя пальчиками, как ядовитую гадюку, и зачитала вслух: «Я ищу тебя! Где ты? Твоя жена Лена».

— Это ее почерк, — добавил Велемир Радомирович.

— Точно? — спросил Вадим.

— Я слышал потом с другими ее письмами.

— Все равно нужна графологическая почерковедческая экспертиза.

— Уже делается. Но суть-то в другом. Даже если это высококлассная подделка, то кому и зачем понадобилось так страшно шутить? А если не подделка, то... еще страшнее.

Теперь уже Вадим начал исследовать записку со всех сторон, даже зачем-то обнюхал ее, чуть ли не попробовал на зуб и вернул владельцу.

— Да, действительно очень странно, — сказал юрист, переглянувшись со своей невестой. Та согласно пожала плечиками.

— А что, если это послание предназначалось вовсе и не вам? — предположила она. — Давайте рассуждать так. Приехала в Юрьевец какая-то Лена, не

ваша. Ждет мужа. Номером ошиблась. Почерк у нее похож. Все женщины пишут почти одинаково аккуратно и старательно. Не дождалась, уехала. Вот вам и вся разгадка.

Велемир Радомирович недовольно хмыкнул:

— Если бы так! Я сверялся у администраторши. В гостинице, кроме меня, за последние сутки оставалось только несколько человек. Одна громадная тетка с выводком детей из Самары. Ивановская пожилая чета, почти безъязыкая. И пара бездельников с Чебоксар, транзитных. Никаких Лен не было и в помине.

— Что же было потом? — спросил Вадим. — Ведь на этом, как я понимаю, история не закончилась? Выпили вы в конце концов шуйскую водку или нет?

— А что мне оставалось? — мужчина усмехнулся. — Но уже не один.

— Как это? — вырвалось у обоих.

— Не в том смысле, что пил... с Леной. Понимаете, после того как я прочитал записку, мне уже повсюду стала мерещиться она. Подойду к окну, отдерну занавеску — на улице стоит женская фигура... А это просто фонарный столб. Слышу шаги в коридоре. Открываю дверь — никого. Кто-то тихо постукивает за стенкой. Иду к администраторше, требую открыть соседний номер. Он пуст. Словом, началось какое-то тихое помешательство. Нервы совсем разболтались от всей этой чертовщины.

— Представляю, — сочувственно произнесла Марина. — Я бы, наверное, просто сбежала.

— А я бы просто напился, — предложил свое решение данной проблемы Вадим.

— Я сделал и то, и другое, — ответил Велемир Радомирович. — Сначала я крепко принял на грудь, а потом, пообщавшись с местной публикой, пустился в затяжные бега. Но все это было потом. Пока же я собирал вещи и чего-то ждал. Надо было уходить, я понимал это, но продолжал сидеть в номере.

Порывался вскочить, а ноги делались как ватные. Я мысленно прокручивал в голове всю свою жизнь с Леной. Мне думалось, что это действительно она написала записку. Явилась с того света. Но с какой целью?

— Ну, это вы... слишком, — неуверенно возразил Вадим.

— Я ведь мистик. Но что-то мы тут, друзья мои, засиделись. Встали, пошли.

И они продолжили путь к Трубной площади. Марине смертельно хотелось дослушать сказки «новой Шахерезады» до конца. А Вадим нервничал все больше и больше. Но времени впереди было еще много. Особо торопиться некуда. Так, по крайней мере, казалось и Вадиму, и Марине. Они не знали и не могли знать, что все только начинается. Что остаться наедине удастся уже не скоро. Что они уже втянуты в некий раскручивающийся маховик событий. И события эти коснутся не только каждого из них или Велемира Радомировича, возникшего на безоблачном горизонте, как челябинский метеорит возмездия, но многих и многих, близких и совсем чужих.

— А дальше? — потребовала Марина.

— Дверь в номер открылась, в проеме обрисовалась женская фигура, силуэтом напоминающая Лену, и я потерял сознание, шмякнувшись лицом об пол. «Мордой», как выразились потом.

Некоторое время они шли молча. Обдумывали сказанное каждый по-своему.

— Пришли, — произнес вдруг «посланник с Нибуру», останавливаясь у дома с башенками. ■